

УДК 371

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

Кольева Н.С.,

*(PhD, старший преподаватель, кафедра Информационные системы,
СКГУ им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан, nkoleva@mail.ru)*

Гонцова М.С.,

(учитель, МБОУ «СОШ № 44», г. Курган, Россия)

Аңдапта

Мақалада тілдегі тосын сөздер мәселесі қарастырылған, әдеби мәтіндерде кездесетін тосын сөздер мысалы берілген.

Түйінді сөздер: тосын сөз, тосын сөздер категориясы, тілдік норма.

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы окказиональности в языке, приведены примеры окказиональных слов, которые встречаются в литературных текстах.

Ключевые слова: окказиональное слово, категория окказиональности, языковая норма.

Annotation

The article discusses the problems of occasionality in the language, gives examples of occasional words that occur in literary texts.

Key words: occasional word, category of occasionality, language norm.

Введение

Русское окказиональное слово обладает целым рядом признаков, отличающих его от обычного (канонического) слова. Одним из таких признаков является ненормативность. Действительно, такие, например, окказиональные слова, как *немазанно – колёснейший, невскопроспектный, оптичkovание, огнедержатель, огнесловый, океаниться, океанствовать, кабычегоневышлизм, подтарзаниваться* и мн. др., не находятся во всеобщем употреблении, а поэтому не зафиксированы ни в справочниках, ни в грамматиках, ни в словарях. И тем не менее, эти слова встречаются и живут в литературных (нормированных) текстах.

Методы исследования

Например. Петербургская знать не только не русская, она даже не петербургская, а разве только *невскопроспектная*, и то от Полицейского до Аничкова моста. (Г. Шеин. У излучин истории); ...«*оптичkovать*» – значит провести какое-то мероприятие с единственной целью – поставить в отчете «птичку»... Это проклятое «*оптичkovание*» – причина малой активности некоторых комсомольцев, причина скучных «мероприятий», пустых, серых семинаров («Юность», 1964, № 5, стр. 97); – А вам, мамочка, я никогда не прощу, что вы сватаете свою дочь за этого... этого *павиэяна*. Собственно говоря, Витя хотел сказать «павиана», потом передумал и решил прибегнуть к слову «обезьяна» – вот оно и вышло это странное словцо... (В. Ардов. Моральный облик); В глазах ее была *грустинка* и какая – то неуловимая *неотмирасевосенка* («Литературная газета», 3 марта, 1971 г.).

Таким образом, с нормативной точки зрения существование окказиональных слов в литературном (а значит, и нормированном) языке является противоречивым и весьма своеобразным.

Системность языка позволяет создавать такие окказионализмы, которые с чисто словообразовательной стороны являются точными аналогами канонических слов: *воспитатель – угождатель, мыслитель – говоритель, исследователь – делатель, либерализм – шарлатанизм, человеколюбие – кадетолюбие*.

На основе чего мы отграничиваем окказиональное слово от канонического? Здесь нам приходится сталкиваться с понятием нормы и ее кодификации как высших, конечных критериев принадлежности или непринадлежности соответствующего слова к классу канонических или окказиональных слов.

Норму можно определить как социально установленные критерии, регулирующие в данную эпоху общественное пользование языком. Речь – явление индивидуальное, поскольку субъектом ее непосредственного, физически материализованного (звукового) воплощения всегда является отдельный индивидуум. Вместе с тем речь – это явление специфически человеческое, а значит, и социальное, поскольку она живет только в коллективе людей, в обществе и представляет собой, как и сам человек, продукт общественных отношений. Норма снимает диалектическое противоречие между индивидуальной и социальной природой речи.

В речи, так или иначе, отражаются бесконечно многообразные психофизиологические, возрастные, социальные, профессиональные и другие различия и склонности отдельных индивидуумов, но речь вместе с тем средство общения и взаимопонимания всех людей данного коллектива. Норма примиряет крайности проявления речи и стремится удерживать их в оптимальных пределах, гарантирующих относительную стабильность и общепонятность как речи, так и языка.

Окказиональность как лингвистическая категория представляет собой одну из форм проявления индивидуально – речевых особенностей носителей языка. Главным (но не единственным) контрастирующим фоном, на котором выделяется окказиональность, является норма и ее кодификация. Норма удерживает в рациональных пределах индивидуальное (окказиональное) речетворчество. Как писал А. Мартине, «язык каждого отдельного человека быстро «испортился бы» (т.е. стал бы непонятным для других), если бы не осуществлялось непрерывное социальное влияние, направленное на сохранение языковых условностей, и если бы не существовало той постоянной регламентации, которая связана с необходимостью взаимопонимания. Регламентация существует как в лексике и грамматике, так и в фонологии. Мы говорим правильно для того, чтобы нас поняли (или, по крайней мере, как если бы мы хотели именно этого)» [1].

Уточним предшествующую мысль: контрастирующим фоном для выделения окказионализмов является не столько норма, сколько ее кодификация. Норма ограничивается указанием – со слабой степенью императивности – на то, «как принято говорить, как следует говорить или как предпочтительнее говорить». Норма, следовательно, базируется на обычае употребления, т. е. на узусе.

Окказионализм, как таковой, выделяется лишь в литературном языке, специфической приметой которого является не нормативность как таковая, а кодификация нормы, т. е. возведение ее в степень «закона» – своеобразного юридического установления. Носители диалектов (диалектам, как и любому естественному языку, тоже свойственна норма), как и носители литературного языка, говорят не стихийно и произвольно, а подчиняясь обычаю, т. е. говорят «как все, как принято, как правильно». Разница между теми и другими лишь в степени осознанности их языкового идеала, в силе их стремлений к нему и в их разных возможностях конкретно – речевого осуществления этого идеала.

Отграничение нормы от ее кодификации имеет свои основания. Норма отражает объективно системный (независимый от воли и сознания носителей языка) характер языка. Усвоение нормы рядовыми носителями языка происходит скорее интуитивно, чем осознанно. Поэтому, во многих случаях правильно употребляя ту или иную форму слова, они не в состоянии объяснить или обосновать эту правильность.

Кодификация же – это осознанная необходимость нормы, отраженная в лингвистическом сознании носителей языка и закрепленная в соответствующих письменных документах. Противоречивая сущность окказионализмов заключается в том, что, с одной стороны, они, наряду с диалектизмами, жаргонизмами, вульгаризмами и т. п., представляют собой некодифицируемые лексические элементы общенародного языка и не входят в собственно литературную лексику, а с другой стороны, они функционально оправданы в составе литературных текстов, что подтверждается бесспорным фактом их существования в нормированной (кодифицированной) литературной речи.

Любое нарушение нормы, любая ошибка может стать частью литературного текста, если это нарушение нормы функционально оправдано и достаточно изобразительно. Следовательно, присутствие ненормативных элементов в литературной речи объясняется не их какими – то особыми внутренними качествами как таковыми, а выполняемой ими в этой речи функцией. Например, диалектизм в устах старика хуторянина на Кубани находится, бесспорно, за пределами нормированной речи. Но этот же диалектизм, становясь в художественном тексте изобразительным средством, может быть включен в нормированную речь.

Собственно говоря, таким же образом в нормированную, чаще всего художественную, речь могут входить и входят любые нарушения нормы и ее кодификации на всех ее уровнях. Однако все эти факты, которые мы подводим «под особый статус», между собой внутренне различны. Встает, таким образом, новый вопрос – положение окказионализма в его отношении к языковой неправильности в тексте нормированной речи.

За пределами нормы и ее кодификации, как уже говорилось, находятся не только окказионализмы, но и языковые неправильности – диалектизмы, нелитературные просторечия, жаргонизмы, вульгаризмы, всевозможные речевые ошибки, искажения и т. п. На уровне нормы понятия окказионализма и языковой неправильности являются однопорядковыми, объединяющимися их принадлежностью к самим фактам нарушения нормы.

В «чистом», изначальном своем проявлении языковая неправильность представляет собой следствие незнания норм языка или неумения ими владеть. Языковая неправильность, следовательно, не носит целенаправленного характера. В этом смысле она невольна, «естественна».

В художественной же речи, эстетически организованной и построенной в соответствии с языковой нормой и ее кодификацией, неправильность носит качественно иной характер: она становится изобразительно значимой, начинает играть характерологическую роль.

У носителей языка восприятие окказионализма со стороны его неправильности особое, совершенно специфическое и не сходное с восприятием других факторов нарушения нормы – орфографической, грамматической, лексической ошибки и т. п. Впечатление неправильности от окказионализма в значительной мере нейтрализуется благодаря наиболее важным функциональным его качествам – экспрессивности, а также своеобразной семантике. «Формальная» (нормативная) неправильность

окказионализма «оправдывается» его функциональной целесообразностью, стилистической уместностью или изобразительной яркостью.

«Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда – то начинает он чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее», – писал Л. В. Щерба [2].

Не все стороны литературного языка в равной мере подчинены кодификации. В наибольшей мере кодифицирована письменная форма языка. Собственно, в правилах орфографии норма и ее кодификация совпадают. Орфографические ошибки считаются наиболее резкими и наиболее нетерпимыми отступлениями от нормы и ее кодификации.

Но даже и орфографическая ошибка, если она носит вторичный характер, т. е. не является прямым следствием неграмотности, а представляет собой средство показа определенной характерности, перестает быть ошибкой в собственном смысле, функционально преобразуясь. Например, заголовок статьи в «Комсомольской правде» от 17 июля 1971 г.: *Прошу пренять в институт ...* » и приняли». В статье рассказывается о фактах незаконного поступления безграмотных абитуриентов в вузы. В контексте этой статьи орфографически неправильное «*прошу пренять в институт*» становится словесным образом, символизирующим претенциозность невежества.

Результаты исследования

Аналогичным (т. е. эстетически организованным) является использование и других ненормативных элементов – диалектизмов, жаргонизмов, вульгаризмов, нелитературных просторечий и т. п. – в литературном (кодифицированном) языке.

Но положение окказионализмов в названном ряду лексических элементов, находящихся за пределами литературного языка, весьма своеобразно: практически все лексические окказионализмы, которые до сих пор в науке были предметом лингвистического анализа, всегда живут в литературном тексте, в нормированной речи в качестве ее некодифицированных элементов, чаще всего будучи зафиксированными в письменных документах. Если все другие нелитературные лексические элементы имеют исконные сферы своего зарождения и функционирования (диалекты, просторечное общение, социальная относительная изолированность отдельных групп людей, профессиональная деятельность, иноязычная лексика и т. д.), откуда они проникают в литературный нормированный язык в качестве изобразительно – характерологических средств, то окказионализмы практически всегда «привязаны» к нормированной речи, так сказать, на правах «особого статуса». В этом смысле окказионализмы, в отличие от других некодифицированных лексических элементов, не имеют своей собственной генетической почвы или сферы, которая находилась бы где – то отдельно за пределами сферы функционирования литературного языка.

Заключение

Таким образом, окказиональные слова, наряду с другими некодифицируемыми лексическими элементами, в функционально преобразованном виде входят в язык художественных произведений. В силу своих особых свойств окказиональные слова в нормативно адаптированном виде входят как в литературный язык, так и в язык художественных произведений. Диалектизмы же, просторечия, вульгаризмы и другие некодифицированные элементы в нормативно адаптированном виде могут входить лишь в поэтический язык художественной литературы, поскольку они только в нем выполняют эстетическую функцию.

Литература:

1. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М. Наука. – 1980. – 245 с.
2. Щерба Л.В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе (1). – 2001. – С. 10.